

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.18

Правильная ссылка на статью:

Петрова Л. Е., Бурлуцкая М. Г. НЕМОСКВА: практики управления на основе социологических данных в регионах. По материалам секции на IX Грушинской социологической конференции // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 421—433. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.18>.

For citation:

Petrova L. E., Burluckaya M. G. (2019) NOTMOSCOW: how sociological data used in management practices in the regions. Based on the IX Grushin sociological conference section proceedings.. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 421—433. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.18>.

Л. Е. Петрова, М. Г. Бурлуцкая НЕМОСКВА: ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ В РЕГИОНАХ. ПО МАТЕРИАЛАМ СЕКЦИИ НА IX ГРУШИНСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

НЕМОСКВА: ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ В РЕГИОНАХ. ПО МАТЕРИАЛАМ СЕКЦИИ НА IX ГРУШИНСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

NOTMOSCOW: HOW SOCIOLOGICAL DATA USED IN MANAGEMENT PRACTICES IN THE REGIONS. BASED ON THE IX GRUSHIN SOCIOLOGICAL CONFERENCE SECTION PROCEEDINGS.

ПЕТРОВА Лариса Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент, проректор, Екатеринбургская академия современного искусства, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: petrova@eaca.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2981-916X>

Larisa E. PETROVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Vice-Rector
E-MAIL: petrova@eaca.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2981-916X>

¹ Ekaterinburg Academy of Contemporary Art, Ekaterinburg, Russia

БУРЛУЦКАЯ Мария Георгиевна — кандидат социологических наук, доцент, Уральский государственный медицинский университет, Екатеринбург, Россия; начальник аналитического отдела, Фонд «Социум», Екатеринбург, Россия
E-MAIL: mary-bu@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3892-5653>

Maria G. BURLUCKAYA^{2,3} — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor; Head of the Analytical Department
E-MAIL: mary-bu@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3892-5653>

² Ural State Medical University, Ekaterinburg, Russia

³ Socium (Foundation), Ekaterinburg, Russia

Ключевые слова: социальная инженерия, региональное развитие, мониторинг социально-экономической ситуации, полевая экспедиция

Keywords: social engineering, development of the regions, socio-economical situation monitoring, field expedition

Благодарность. Авторы выражают благодарность Программному комитету IX Грушинской социологической конференции и лично Наталье Седовой, руководителю Департамента науки и образования ВЦИОМ, заместителю председателя Программного комитета, за внимание к проблеме и предоставленную возможность обсудить ее на конференции.

Acknowledgments. The authors express their gratitude to the Program Committee of the IX Grushin sociological conference and personally Natalia Sedova, head of the Department of science and education of WCIOM, Deputy Chairman of the Program Committee, for attention to the problem and the opportunity to discuss it at the conference.

Тема IX Грушинской социологической конференции, состоявшейся в марте 2019 г., — «Социальная инженерия: как социология меняет мир». Вполне естественно, что значительная доля высказываний (как до, так и во время конференции) предполагала теоретическую категоризацию — эксперты по-своему определяли, что такое «социальная инженерия», выражая свое видение не только через применение тех или иных теоретических подходов, выбор названий секций и круглых столов, но и описывая деятельностьную компоненту — социальные ли они инженеры. Так, при подготовке мероприятия в рубрике «Лица конференции» были опубликованы интервью, которые редактор журнала «Мониторинг общественного мнения» В. Силаева взяла у членов программного комитета¹. Эти интервью показали широкий спектр мнений о возможностях и ограничениях социальной инженерии, этических проблемах реализации проектов.

Не менее важной задачей является анализ объекта социальной инженерии. Наше видение социальной инженерии таково: это прикладное знание, преобразованное в практическое действие, в том числе управленческое. Такой подход предполагает, что объект социальной инженерии — это первоначально объект аналитики, исследования. Масштабы такого объекта многообразны, стратифици-

¹ URL: https://wciom.ru/nauka_i_obrazovanie/nauchnaja_rabota/conferences/conference_2019/lica-konferencii (дата обращения: 16.04.2019)

рованы. Представляется, что федеральный уровень обоснования, сбора, анализа и использования данных сформирован в том числе благодаря усилиям российских компаний по изучению общественного мнения (в первую очередь ВЦИОМ и ФОМ). А что в НЕМОСКВЕ² — в оставшихся 84 регионах? На региональном уровне аналитика не часто оказывается востребованной для управления социально-экономическими процессами (политическими — часто).

Еще более важный объект социальной инженерии — муниципальный уровень, уровень городов. Более тысячи российских городов, в которых проживает подавляющее большинство россиян, — это пока зона преимущественно вне аналитического управления. Обилие собираемых разнообразными способами данных не способствует тому, чтобы управленческие решения на уровне регионов и муниципалитетов были бы основаны на аналитической информации.

Регион как объект социальной инженерии вполне вписывается в сегодняшнюю логику — каждая территория разрабатывает стратегию развития. Казалось бы, в этом и состоит наилучшее применение аналитических данных. Но сегодня многие региональные стратегии написаны под копирку, без учета ситуации, без обращения к данным статистики, исследований и пр.

Если сделать акцент на том, что социальная инженерия — это в первую очередь управленческие решения, но обоснованные исследовательски и экспериментально, то уровни этих решений различны. Федеральный, с точки зрения аналитики, обеспечен исследовательскими компаниями, но они дают только обобщенную картину, причем статистика — в значительной степени московская и мегаполисная. Любой исследовательский проект со стратифицированной выборкой опишет ситуацию с учетом образа жизни, мнений преимущественно жителей больших городов, но при этом не учтет специфику значительной части населения. Решения, связанные с социальными проектами регионального и тем более муниципального значения, безусловно, требуют учета местной специфики.

На Грушинской конференции город как объект социальной инженерии обсуждался активно — этому была посвящена линейка мероприятий «Социолог в городском управлении: между исследователем и инженером, от Москвы до Урюпинска» (куратор — В. Звоновский). Было организовано пять секций, каждая из которых в той или иной мере затрагивала вопросы эффективности использования социологической информации в регионах. Секция «Проектирование моделей территориального развития» проведена Центром социального проектирования «Платформа» при поддержке экспертного совета по малым территориям. Она акцентировала внимание на том, что стратегия развития региона может стать платформой для согласования интересов и совместной деятельности населения, активных сообществ, власти и бизнеса. Секция «Куда нам послать социолога? Опыт взаимодействия социолога в проектах изменения городской среды» была организована при участии Ассоциации исследовательских компаний «Группа 7/89» и обращалась к проблемам участия социолога в городских проектах, в том числе в командах по изменению городской среды. Секция «Компании и местные

² Термин «НЕМОСКВА» не является авторским — этот неологизм стал своего рода символом обращения к регионам России. В первую очередь внимание привлекает проект межрегионального взаимодействия в области современного искусства NEMOSKVA, организованный Алисой Прудниковой.

сообщества на территориях присутствия: от взаимопонимания — к взаимному развитию» проведена компанией «Айфорс Рус», обсуждение проблем регионального развития строилось на основе бизнес-логики. Круглый стол «Социология в регионе. Настоящее и будущее социальной инженерии в решении ключевых проблем территориального развития» прошел в дистанционном формате, собрав большое число участников и отличившись тематической широтой, зачастую выходящей за рамки конференции.

Такое разнообразие докладов и мероприятий демонстрирует растущий интерес к теме. Рефреном звучала тема «множественности» России, разнообразия и невозможности анализировать современное общество как единое целое. Иными словами, фокус внимания явно смещается с поиска и описания ключевых трендов, «мейнстрима», к анализу локального, регионального, различного.

Одно из противоречий современного общества — противоречие глобального и локального. Социология развивается в основном в мегаполисах, контекст понимания социальных процессов и, в том числе, социальных изменений — глобальный. В докладе на пленарном заседании VIII Грушинской конференции профессор СПбГУ Д. Иванов заметил, что общество, по сути, расслоилось на две реальности — интернациональную реальность мегаполисов и локальную реальность «остальных» населенных пунктов, которых великое множество. Парадокс в том, что социология со всем ее корпусом объяснений и, что немаловажно, опытом самих социологов развивается в крупных городах. А исследования проводятся по всей России.

Когда исследования проводят жители столиц в регионах, жители региональных центров — в небольших городах, то даже при условии методической чистоты сбора данных переход на уровень объяснений и интерпретаций требует более глубокого понимания местного контекста. Мы преувеличиваем самоценность данных, если просто описываем ситуацию. Данных достаточно, но при переходе исследователем от уровня констатаций к уровню рекомендаций необходимо более глубокое понимание того, что будет «работать» на конкретной территории. Недостаток такого понимания и глубины погружения в местную специфику при интерпретации результатов исследований — таков возможный ответ на один из ключевых вопросов: «Почему не возникает понимания между исследователями и практиками?»

Именно эти основания (как гипотезы) легли в основу секции «НЕМОСКВА: практики управления на основе социологических данных в российских регионах», организованной при участии Екатеринбургской академии современного искусства. Внимание на секции акцентировалось на проблемах взаимодействия исследователей и практиков (исполнительная и законодательная власть в регионах и муниципалитетах, бизнес, крупные социальные институты), алгоритмах использования социологических данных для преобразований в городе и регионе (лучшие практики), доступности аналитической информации по региону (потенциал кабинетных и полевых исследований).

Особенностью данной секции был концептуальный подход, предполагающий релевантность обсуждения его контексту. Проблемы социальной инженерии регионов мы обсуждали с теми, кто в этих регионах живет и работает — конкретные региональные кейсы представили социологи из Екатеринбурга и Саранска, Якутска и Санкт-Петербурга. Показательно, что обсуждение проблем развития

регионов часто ведется ИЗМОСКВЫ. Так, в программе линейки мероприятий Грушинской конференции «Социолог в городском управлении: между исследователем и инженером, от Москвы до Урюпинска» оказались заявлены в основном москвичи — региональные спикеры составляли 20%–30% участников. И в этом еще один острый вопрос потенциала социальной инженерии в современном российском обществе — вопрос о субъекте. Будет ли принятие управленческих решений в регионе автономным и основанным на региональных же исследовательских данных? Субъектом социальной инженерии, ведущейся «по-новому», на основе аналитики, могла бы стать и муниципальная власть. Барьером на пути реализации такой установки может стать современное положение дел в российском местном самоуправлении. Как показал Р. В. Петухов, своими ключевыми признаками — инклюзивностью, доступностью и автономностью — местная власть обладает сегодня в значительной степени лишь формально. Проблемой является разрушение доверия к муниципальным властям, их дистанцированность от жителей [Петухов, 2018].

Итак, на секции «НЕМОСКВА» в режиме кейсов были рассмотрены проблемы сбора, анализа и использования данных социологических исследований для решения проблем регионов. Спикеры отбирались в том числе с учетом имеющегося опыта анализа регионального материала, подтвержденного публикациями (см. Приложение).

Начала дискуссию М. Г. Бурлуцкая из Екатеринбурга. Проблема интерпретации локальных данных в докладе рассматривалась на примере проекта «Исследование аудитории современного искусства в крупных городах России» (реализован при поддержке программы «Меняющийся музей в меняющемся мире» Благотворительного фонда В. Потанина)³ и изучения социально-экономического развития одного из городов Свердловской области (коммерческий проект, реализованный Фондом «Социум»).

В исследовании аудиторий современного искусства решалась задача сравнения ситуации в разных городах. Это была именно НЕМОСКВА — Екатеринбург, Челябинск, Пермь, Тюмень, Норильск, Томск, Нижний Новгород. В частности, анализировалась структура аудитории с выделением сегментов («ядро» — постоянные посетители площадок современного искусства, «периферия» — эпизодические посетители, «перспектива» — «случайные прохожие», впервые посетившие площадку). В связи с этим вставали непростые вопросы, например, о том, почему в очень близких по формально-статистическим параметрам Екатеринбурге, Нижнем Новгороде и Перми структура аудитории разная, или кого еще можно привести на площадки, как расширить аудиторию. На эти вопросы невозможно ответить без учета местной специфики.

В исследовании небольшого города ставилась прикладная задача, связанная со сложными социально-политическими процессами в этом городе — это был запрос именно местных практиков. Было сложно понять, опираясь только на данные количественного опроса и предшествующий опыт социально-политических исследований, в чем истоки конфликта и социального напряжения именно в этом

³ Его результаты были представлены в коллективной монографии [«Что-то новое и необычное»... 2018].

городе, а главное — как можно с этим конфликтом работать, на каком языке разговаривать с жителями города.

Для решения задач погружения в данные и локализации объяснений чаще всего используются несколько методов. Это, во-первых, изучение статистических и экономических данных о развитии города, региона. Их собирали для анализа ситуации и в том, и в другом проекте. Но таких данных недостаточно, если пытаться найти действительно работающие, глубокие объяснения, более того, переходить к рекомендациям. Второй метод — экспертные интервью, которые дают погружение в местный контекст. Опять же, этот метод использовался в обоих анализируемых проектах, но и его оказалось недостаточно, поскольку эксперт всегда рисует ограниченную картину, как правило, представляя точку зрения местных элит. И это важно для погружения, но недостаточно.

Наконец использовался метод, который представляется достаточно универсальным ответом — это метод исследовательской экспедиции, погружения в местную жизнь. Полевые экспедиции применяются в последние годы все активнее, но сам метод при этом явно недостаточно осмыслен методически, публикаций на эту тему совсем немного (можно вспомнить полевые экспедиции ФОМ, «Группы 7/89», а также студенческие полевые практики студентов-социологов Высшей школы экономики). Все участники таких экспедиций сходятся в том, что они чрезвычайно полезны и дают возможность погружения в местную жизнь, в том числе на уровне впечатлений, эмоций, а не только наблюдений и рациональных объяснений, что, по-видимому, позволяет исследователю приобрести уверенность в своих интерпретациях, а также укрепляет его позиции в диалоге с практиками.

По своей сути полевая экспедиция — это этнографический метод, который базируется на наблюдении (в том числе включенном), спонтанных интервью и — иногда — дискуссиях. Можно выделить несколько важных методических особенностей проведения полевых экспедиций (это не исчерпывающий список, а первые подходы):

1. Важна «точка входа» — тематическое событие, люди, организация или место, с которого начинается погружение в местный контекст. Это именно точка входа, из которой по спирали разворачивается вращение в среду — от человека к человеку, от события к событию. При этом важно быть открытым новым впечатлениям, но понимать, что получаемый опыт ограничен.
2. Экспедиция — это формат **коллективной** исследовательской работы. Это крайне важно для преодоления и ограниченности получаемого опыта, и субъективности восприятия. Невозможно эффективную полевую экспедицию провести в одиночку, даже двух человек бывает недостаточно: предпочтительна группа исследователей, иногда уже на месте разделяющаяся для получения как совместного, так и индивидуального опыта погружения в местный контекст.
3. Еще одно важное методическое соображение, которое является следствием предыдущего — интерпретация полученных данных возможна только в интеракции. Необходимый элемент экспедиции — процедуры обсуждения возникающих исследовательских гипотез. Причем полезны бывают обсуждения не только в команде исследователей, но и с экспертами и просто местными

жителями — важно проверять, насколько гипотезы исследователей находят у них отклик, какую вызывают реакцию.

М. Е. Маркин из НИУ ВШЭ продолжил тему важности полевой экспедиции для интерпретации локальных данных, но сосредоточился скорее не на методологических аспектах, а на прикладных результатах исследования — поездки в Саранск во время Чемпионата мира по футболу (с 1 по 8 июля 2018 г.). Восемь студентов и двое преподавателей провели пять интервью со спортивными функционерами, девять интервью с предпринимателями, шесть — с представителями администрации города, сотрудниками энергетической и транспортной инфраструктуры, 17 углубленных и 81 мини-интервью с горожанами. Здесь мы имеем пример того, что качественная работа с региональным материалом может вестись только в многоголосии социальных агентов.

Выбор места неслучаен — спортивные мегасобытия обычно проходят в мегаполисах, к коим Саранск не относится. Схема анализа мегасобытия была классической: подготовка, проведение турнира, «наследие». Полученные данные указывают на различие в восприятии изменений, происшедших с городом, у администрации и местных жителей. Так, в интервью с городскими управленцами вырисовывалась позитивная картина — федеральный центр выделил деньги, город стал лучше и пр., между тем горожане оценивают перемены по-другому — как логичное продолжение преобразований в городе, для них не важны ни контекст мундиала, ни федеральные деньги. Скажем, новые городские автобусы с эмблемой чемпионата воспринимаются как «подарок» по случаю мегасобытия, однако из интервью выясняется, что они вовсе не были закуплены специально к чемпионату, просто украшены его символикой. Это оценка жителей города. Локальным контекстом можно также объяснить обновление канализационной системы в Саранске, случившееся в результате примерно такого диалога: *«Мы спросили федеральный центр — а что будем делать с канализацией? — А что с ней? — Ну, может прорвать, а может и нет...»*

В ходе экспедиции выявлены противоречия в ожиданиях бизнеса и исполнительной власти относительно того, какое «наследство» получит город от чемпионата. Местный бизнес не инвестировал в крупные объекты — новые отели и супермаркеты открыли иностранные и федеральные сети, составившие серьезную конкуренцию местной инфраструктуре (после чемпионата мира, к примеру, новые пятизвездочные отели снизили цены до трехзвездочных). Решение проблемы предприниматели видят в генерации трафика, а это невозможно без участия региональных властей — требуемого трафика можно добиться только систематическим проведением массовых спортивных мероприятий.

Касаясь программного вопроса «Как разрешить проблемы взаимодействия исследователей и практиков?» (и отвечая, что социологи должны быть полезными, давать интересную информацию), докладчик посетовал, что администрация и местные медиа все еще (спустя восемь месяцев после чемпионата) не ознакомились с результатами работы социологов. И это — зримая проблема социальной инженерии, понимаемой как прикладное знание, становящееся основой для принятия управленческих решений. Организованная университетом экспедиция, собранный полевой материал остались в академическом поле, не превратившись

в источник рефлексии и преобразований. Кейс полевой экспедиции в Саранск — это и кейс интересного для интерпретаций, важнейшего для развития региона материала, и одновременно — кейс неэффективного использования, даже игнорирования полученной информации. Возможно, это повод к выработке новой этики, диктующей, что результаты (некоммерческих) исследований должны быть доведены до горожан, управленцев, СМИ — этики публичной социологии.

С противоположной стороны описал ситуацию в Саранске С. Г. Ушкин. Уникальное исследование эффективности деятельности органов местного самоуправления проводится в Мордовии (с населением почти в 800 тыс. человек) на регулярной основе с 2009 г., ежегодно опрашивается не менее 8600 жителей. Выборочная совокупность репрезентирует состав жителей по полу, возрасту и уровню образования в районном разрезе. Измеряется удовлетворенность следующими направлениями работы местной власти: в целом деятельностью органов местного самоуправления, организацией транспортного обслуживания, качеством автомобильных дорог, организацией тепло-, водо-, электро- и газоснабжения.

Исследования по оценке населением эффективности органов местного самоуправления городского округа и муниципальных районов проводятся на основании Указа Главы Республики Мордовия от 22 марта 2013 г. № 68-УГ. Процедура сбора, анализа и использования данных ясна — мониторинг включает опрос населения, наблюдение, анализ документов; далее производится подготовка доклада по результатам. На основе полученных данных и с учетом анализа социально-экономического развития составляется рейтинг. Итог — поощрение районов, оказавшихся в его верхних строчках. Здесь возникает своего рода эффект Матфея — поддерживают тех, кто уже имеет высокие показатели.

По мнению докладчика, муниципальный срез очень важен, потому что проявляется глубина проблемы, учитываются мнения жителей отдаленных районов, повышается эффективность работы чиновников, получающих возможность точно реагировать на возникающие проблемы, стимулируются развитие отдельных территорий и переориентация работы чиновников на население.

Описанный мониторинг — инструмент получения обратной связи от жителей республики. Является ли он эффективным? Как возможность высказаться для населения — да. Но и здесь обнаруживается проблема — жители спрашивают: «Зачем заполнять анкеты, если ничего не меняется?». Иначе говоря, получается, что собранные данные — не повод для изменений. В то же время только детали, подробности повседневной жизни, обнаруживаемые в ходе исследования, могут объяснить местные проблемы: отсутствие освещения делает улицы пустынными; вырубленные вокруг городской администрации деревья привели к тому, что это место стали звать «лысой горой»; жителей маленького городка оскорбляет то, что коровы ходят по центральной площади, и т. д.

С. Г. Ушкин, резюмируя, указал, что результаты мониторинга не используются пока в режиме социальной инженерии, а организаторы исследования озабочены тем, чтобы «подталкивать чиновников к изменениям».

Следующий кейс описал Ю. И. Жегусов, старший научный сотрудник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Он рассказал, как используются социологические данные в реализации антиалкогольной политики

в Республике Саха (Якутия). Проблема чрезвычайно остра и имеет еще советскую историю — с 1963 по 1985 гг. количество больных алкоголизмом в республике увеличилось в 115 раз. В 2017 г. показатели заболеваемости алкоголизмом в Якутии были в два раза выше, чем в РФ. Докладчик полагает, что в антиалкогольной политике использованы следующие методы социоинженерного воздействия на социальные нормы: изменение правовых норм путем внесения и принятия региональных законов, изменение норм поведения людей в пользу отказа от потребления алкоголя и здорового образа жизни.

В 2003 г. создана нормативная база, активно проводятся мероприятия в рамках реализации антиалкогольной политики, в частности, запрет на розничную продажу алкоголя действует в 188 селах в 31 муниципальном районе. В «трезвых селах Якутии» проживают 25 % сельского населения (8 % населения республики).

В 2016—2017 гг. был проведен мониторинг общественного мнения по вопросам антиалкогольной политики методом анкетирования с большой выборкой — 10,5 тыс. человек. Социологические данные об оценках антиалкогольной политики, поведении и установках населения республики коррелируют с государственной статистикой (заболеваемость алкоголизмом, смертность мужчин трудоспособного возраста, уровень преступности и пр.). Непосредственная роль социологических исследований в антиалкогольной политике выражается также в следующем. Перед принятием решения о статусе трезвого села (специального закона) администрация совместно с общественностью проводят социологический опрос населения. Социологические данные регулярно публикуются в СМИ, что создает благоприятный информационный фон для реализации антиалкогольной политики, а также приводятся на общественных слушаниях перед принятием соответствующих законов, востребованы комитетами представительного органа и депутатским корпусом.

Характеризуя локальный контекст интерпретации данных, докладчик указал на сильную зависимость интенсивности реализации антиалкогольной политики от принципиальной позиции и политической воли первого лица региона; низкую информационно-аналитическую культуру руководителей, государственных служащих, непонимание ими сути и принципов антиалкогольной политики. Сказывается и отсутствие целостной картины социальной проблемы, динамики социальных процессов, а также нестабильность кадров и государственных органов, реализующих антиалкогольную политику.

Таким образом, представленный материал полностью работает на идею социальной инженерии как знания, преобразованного в управленческое действие — реализован замысел социологического исследования как мониторинга изменений. Однако указанные докладчиком проблемы проведения антиалкогольной политики в Якутии в определенном смысле дезавуируют роль аналитики — слишком велик субъективный фактор, влияющий на реформы. Статус исследований — незначительный элемент в цепочке социально-инженерной логики.

Последний доклад был сделан К. А. Галкиным, сотрудником Европейского университета в Санкт-Петербурге. Он был посвящен, как может показаться, сугубо специальной проблеме — «Повседневность пожилых людей с хроническим (инвалидизирующим) заболеванием в селе и возможности применения

индивидуального опыта в конструировании проблемы». Исследование выполнено в антропологической парадигме. Следуя работам, инициированным Д. М. Рогозиным (см., напр.: [Рогозин, 2018]), автор обратился к изучению хронического инвалидизирующего заболевания, частью которого является ежедневное переживание боли, трудности и барьеры в повседневности, и все это в очевидной НЕМОСКВЕ — на селе.

Исследуемая группа — закрытая вдвойне (в силу возраста и территориальной отдаленности). Исследование проходило в селах Лужского района Ленинградской области (136 км от Санкт-Петербурга) с использованием мягких методов. Информанты — пожилые сельчане, фельдшеры и врачи. Социолог на протяжении длительного времени осуществлял антропологическое погружение в поле — жил в селах, брал двухчасовые интервью, вел дневник. Приведенные докладчиком фотографии дорог, туалетов, колодцев, ступеней в фельдшерский пункт впечатлили участников обсуждения. В докладе были приведены многочисленные цитаты, характеризующие то, из чего состоит повседневность информантов — сельских стариков: работы по дому, автономность существования, сети поддержки, качество медицинской помощи. (Из интервью с врачом: *«На данный момент у нас тяжелых нет, которые бы лежали дома... Умиравших нет сейчас.»*)

Один из исследовательских выводов, касающихся работы с проблемами пожилых сельчан, требует более активного распространения информации через стратегию коротких репортажей, в том числе рассказывающих о том, как пожилой человек пытается вести активную жизнь на фоне хронического заболевания. Назрела необходимость в переосмыслении медицинской инфантилизации, а равно и стигматизации пожилых людей на селе. Не хватает «Атласа третьего возраста» — универсального справочника для чиновников, геронтологов, этнографов, где были бы представлены все проблемы, связанные с жизнью в сельской местности. Наконец, важно картировать проблемы пожилых людей в сельской местности с использованием этнографических методов.

Таким образом, представленные на секции доклады продемонстрировали не столько опыт интеграции аналитики в региональное управление, сколько потенциал такой активности. За редким исключением, результаты даже мониторинговых исследований с мегавыборками не остаются лежать в столах, а задействуются в системе принятия решений. Прагматичная ориентация на использование результатов социологического исследования есть только в бизнесе, который был и остается самым активным заказчиком. Но это — сегмент маркетинговых исследований. Крупный региональный бизнес, несущий социальную ответственность (по аналогии с градообразующими предприятиями можно говорить и о регионообразующем бизнесе), может стать заказчиком такого контента, но при этом перспективы активного участия бизнеса в принятии решений, определяющих региональную социальную политику, невелики, следовательно, проблема более тесного взаимодействия и поиска путей взаимопонимания социологов и региональных, муниципальных властей остается.

Круг проблем, препятствующих активному использованию социологических данных и аналитики для эффективного управления в регионах, широк, но просматриваются и потенциальные возможности их решения:

1. Повышение культуры обращения к данным у всех субъектов принятия решений — представителей исполнительной и законодательной власти, регионального бизнеса, некоммерческих организаций. Цель — включение аналитики в алгоритм принятия решений (по аналогии с постановкой диагноза и назначением лечения). Существует выраженная ориентация на применение кабинетного подхода — обращение к массивам статистики, вторичной информации. Но тут проблемой может стать кадровый потенциал исполнительной власти, особенно муниципального уровня, ведь, как показали Е. В. Фролова и О. В. Рогач, муниципальные служащие в России зачастую не имеют профильного образования, правовой и экономической подготовки. Обязательное повышение квалификации оборачивается перекосом в теорию, унификацией, отсутствием «привязки» к региону, среде [Фролова, Рогач, 2018].
2. Формирование спроса на региональные исследования, привлечение аналитики бизнес-компаний в регионах; инициирование исполнительной и законодательной властью как самостоятельных исследований, так и использование стратегии bigdata — коллаборация с региональными бизнес-структурами, собирающими цифровую информацию. Ясно, что последнее возможно только при работе с открытыми информационными материалами, и определенная зависимость местного бизнеса от властей может даже способствовать такой работе, в частности, это касается агрегаторов цифровой информации, региональных телекоммуникационных компаний и пр.
3. Изменение формата представления аналитики для субъектов принятия решения и региональной публики (если и не для широких ее слоев, то хотя бы для стейкхолдеров). Симплифицированный, упрощенный вариант презентации — видеоролик вместо отчета, лонгрид вместо статьи, исследовательская выставка вместо доклада. Выход на варианты публичной социологии — медиа, презентации общественности, о чем говорила в интервью, предварявшем Грушинскую конференцию, Л. А. Паутова, характеризуя работу ФОМ: «... Деятельностный подход... просвещающие коммуникации, стимулирование интереса, работа с экспертами, сборка инсайтов в публичные материалы (лонгриды и путеводители)»⁴.
4. Переориентация в профессиональном образовании и профессиональной практике. Уход от позиции синоптика («Сегодня вероятен дождь, а возьмете вы зонт или нет — ваше дело»). Включение в профессиональное социологическое образование компетенций социолога-фасилитатора при поиске и использовании аналитической информации. Более активная интервенция социологов в проектные команды социальных преобразований. Расширенная компетенция исследователя, включая элементы консалтинга, позволит (помимо прочего) решить проблему повышения уровня доверия к аналитическим, социологическим данным.
5. Разработка актуальных методологических и методических подходов к учету локальной специфики в интерпретации данных исследований. Прежде все-

⁴ URL: https://wciom.ru/nauka_i_obrazovanie/nauchnaja_rabota/conferences/conference_2019/lica-konferencii (дата обращения: 16.04.2019).

го, надо активнее использовать инструмент полевых экспедиций в регионы. И здесь уже МОСКВА может помогать НЕМОСКВЕ. Огромный профессиональный потенциал столицы позволяет не только делать регионы объектом своих изысканий — приезжая в регион, москвичи могут не просто собирать материал, а реализовывать в разных форматах позицию просвещения, обучения, презентации для местных экспертов, включая людей, принимающих управленческие решения.

6. Возможное включение в техзадание на коммерческое исследование в регионе общественных слушаний с представлением и обсуждением полученных данных.

Только системность, создание прецедентов, обсуждение и поиск сторонников могут привести к более активному использованию аналитики, социологических данных для управления в регионах, нестоличных городах.

Список литературы (References)

Петухов Р. В. К проблеме социального содержания местного самоуправления // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 131—146. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.07>.

Petukhov R. V. (2018) On the social content of local self-government. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 131—146. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.07> (In Russ.)

Рогозин Д. М. Принятие боли в старшем возрасте // Общественные науки и современность. 2018. № 4. С. 115—128. <https://doi.org/10.31857/S086904990000370-9>.

Rogozin D. M. (2018) Admission of Pain in an Older Age. *Obshchestvennyye Nauki i Sovremennost*. No. 4. P. 115—128. <https://doi.org/10.31857/S086904990000370-9>. (In Russ.)

Фролова Е. В., Рогач О. В. Кадровое обеспечение местных органов власти в современных российских условиях // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 369—385. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.19>.

Frolova E. V., Rogach O. V. (2018) Staffing of Local Government in Modern Russian Conditions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 369—385. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.19>. (In Russ.)

«Что-то новое и необычное»: аудитория современного искусства в крупных городах России / под науч. ред. Л. Е. Петровой. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый : Екатеринбургская академия современного искусства. 2018.

“Something New and Unusual”: the audience of contemporary art in large cities of Russia (2018) / under scientific. ed. L. E. Petrova. Moscow, Ekaterinburg: Cabinet Scientist; Ekaterinburg Academy of Contemporary Art. (In Russ.)

Приложение. Список трудов, подтверждающих имеющийся опыт анализа регионального материала спикеров секции

Булатова В. Д., Петрова Л. Е. «Мы с Урала»: эксплуатация гения места в цифровую эпоху // Цифровая культура открытых городов. Материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Екатеринбург, 2018. С. 22—26.

Бурлуцкая М. Г., Рыбакова О. В. Кадровая реструктуризация на уральских предприятиях: управленческая риторика и практика внутренних карьерных перестановок // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2010. № 1. С. 144—152.

Галкин К. А. Карьерные стратегии молодых сельских врачей ленинградской области: нарративный анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 1. С. 158—167.

Жегусов Ю. И., Корякина З. И. Аналитическая справка изучения общественного мнения о Законе Республики Саха (Якутия) «Об ответственном родителстве» // Ответственное родительство: социальные и правовые аспекты. Сборник материалов круглого стола / сост. А. А. Павлова, З. И. Корякина. Казань, 2018. С. 22—30.

Жегусов Ю. И., Корякина З. И. Аналитическая справка изучения общественного мнения родителей о Законе Республики Саха Якутия «Об ответственном родителстве» по результатам фокус группы // Научный электронный журнал Меридиан. 2018. № 7. С. 12—14.

Жегусов Ю. И., Корякина З. И. Антиалкогольная политика в Якутии: за и против // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 102—105.

Иншаков В. А., Максимова Л. Ю., Автайкина Л. А., Савкина О. В., Ушкин С. Г. Определение уровня конкурентоспособности и рыночной активности ведущих предприятий Республики Мордовия на приоритетных рынках в 2012—2014 гг. // Социально-экономическое развитие Республики Мордовия в 2015 г. Сборник научных трудов / под ред. В. В. Конакова и др. Саранск, 2017. С. 245—262.

Ушкин С. Г. Когда хвост виляет собакой: власть мнений и мнения о власти в провинциальном социуме // Развитие социального пространства России: новые вызовы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. С. М. Вдовина. 2018. С. 52—56.

Ушкин С. Г., Автайкина Л. А., Максимова Л. Ю. Оценка предпринимательским сообществом общих условий ведения предпринимательской деятельности в Республике Мордовия в 2015 г. // Социально-экономическое развитие Республики Мордовия в 2015 г. Сборник научных трудов / под ред. В. В. Конакова и др. Саранск, 2017. С. 326—340.

Kuzmin K., Petrova L., Popov D. Migration and social distance: Various ethnic groups as perceived by the Ural's schoolchildren and their parents // International Dialogues on Education: Past and Present. 2015. Vol. 2. No 3. P. 6—16.